

Александр Восьмой

**Облитератор 2
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой

Облитератор 2 (Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Облитератор 2 (Даффи Толстяк) / А. Восьмой — «Автор», 2026

Планета лишилась своего «топливного нерва»: заводы встали, города погрузились в ледяную тишину. В опустевших нефтехранилищах теперь живут лишь тени прошлого и эхо отчаянных криков тех, кто пытался удержать рушащийся мир. Это история о том, как богатство, сделавшее человечество всемогущим, в один миг превратилось в символ гибели. Когда последний баррель нефти был израсходован, цивилизация рухнула быстрее, чем успело остыть топливо в двигателях. Пустые автострады, ржавые танкеры, замершие аэропорты — мир стал музеем собственной гордыни. На фоне всеобщего хаоса группа учёных пытается найти выход, но каждый новый день приносит только новые ужасы. метро превратилось в братскую могилу, а улицы заполнили банды, сражающиеся за остатки ресурсов. Это хроника распада общества, рассказанная через судьбы тех, кто ещё пытается выжить. Резервуары опустели, генераторы замолчали, и мир погрузился в первозданную тишину, нарушаемую лишь криками отчаяния.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Облитератор 2 (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Последний баррель»

В диспетчерской пахло озоном, старым пластиком и едва уловимым, но въевшимся в стены запахом нефти — будто сама комната впитала в себя десятилетия работы с чёрным золотом. Мониторы мерцали, вычерчивая кривые, которые ещё час назад уверенно ползли вверх, а теперь, словно испугавшись собственной дерзости, рушились вниз. Цифры на главном экране застыли на отметке «0,00». Ни десятых, ни сотых — абсолютный ноль.

— Резервуар пуст, — тихо произнёс оператор, будто боялся спугнуть эту тишину, которая вдруг стала слишком громкой. Его голос дрогнул, и в этой дрожи было больше ужаса, чем в любом крике. Он повторил, уже громче, будто пытаясь заставить реальность передумать: — Резервуар пуст.

Никто не ответил. Трое других сотрудников замерли, каждый перед своим пультом, словно надеясь, что если не шевелиться, цифры на экранах вдруг оживут и начнут ползти обратно. Но экраны были безжалостны. Графики застыли в мёртвой горизонтали. Датчики, ещё недавно радостно мигавшие зелёным, теперь горели тусклым, почти стыдливым жёлтым. А один — тот, что отвечал за главный трубопровод, — мерцал тревожным красным, будто сигнализировал о чём-то большем, чем просто техническая неполадка.

За стенами терминала начиналась паника. Сначала тихая, едва уловимая — как шёпот, который никто не хочет слышать. Потом — громче, настойчивее. Кто-то кричал в телефон, требуя объяснений. Кто-то бегал между цистернами, будто надеялся найти хоть каплю, спрятавшуюся в каком-нибудь укромном уголке. Но нефть не пряталась. Она просто закончилась.

Старший инженер, седой мужчина с лицом, изборождённым морщинами от бессонных ночей и ветра с нефтепромыслов, медленно подошёл к окну. За стеклом раскинулся гигантский комплекс: ряды резервуаров, похожих на стальные горы, трубы, змеившиеся между ними, насосы, которые ещё недавно гудели, как живые существа. Теперь всё это молчало. Даже ветер, казалось, боялся нарушить эту неестественную тишину.

— Этого не может быть, — пробормотал он, хотя сам уже знал, что может. И хуже того — должно было случиться. Все знали. Просто никто не хотел верить. — Мы же планировали запасы... Мы же считали...

Но расчёты не учитывали одного: человечество сжигало будущее быстрее, чем успевало его замечать. Каждый день — миллионы баррелей, ухотивших в двигатели, в печи, в пластик, в асфальт. Каждый день — капля, исчезающая без следа. И вот теперь капля стала океаном пустоты.

В соседнем здании, в комнате с приглушённым светом и десятком мониторов, аналитик финансового отдела смотрел на биржевые графики. Цифры там тоже падали — стремительно, безжалостно, как камни в пропасть. Акции нефтяных гигантов рушились, валюты колебались, рынки замирали в оцепенении. Он поднял глаза, будто ища ответа у потолка, и прошептал:

— Это конец.

И он был прав. Не конец нефти — она уже закончилась. Конец мира, каким они его знали.

На улице, за пределами охраняемой территории терминала, первые слухи уже расползались, как дым от невидимого пожара. Люди останавливались, прислушивались, переглядывались. Кто-то смеялся, не веря. Кто-то хмурился, чувствуя, как по спине пробегает холодок. А кто-то — те, кто помнил старые истории о кризисах, о переboях, о том, как быстро может рухнуть привычный порядок, — уже начинал собирать вещи.

В одном из офисов на верхнем этаже здания управления сидел молодой инженер, недавний выпускник, гордившийся тем, что попал в этот гигантский механизм. Он смотрел на экран,

где крутились данные о поставках, и не мог понять, почему цифры не обновляются. Он щёлкал мышкой, перезагружал страницу, звонил коллегам — но везде слышал одно и то же: «Резервуар пуст».

Он встал, подошёл к окну и увидел, как внизу, у ворот, скапливаются грузовики. Водители кричали, махали руками, стучали по дверям кабин. Они требовали топлива — им нужно было ехать, нужно было доставлять грузы, нужно было поддерживать жизнь в городе. Но топлива не было. И не будет.

Инженер почувствовал, как внутри что-то обрывается — не страх, не паника, а какое-то глубокое, холодное осознание. Мир, который казался таким прочным, таким надёжным, вдруг оказался хрупким, как стекло. И сейчас это стекло трескалось, рассыпаясь на миллионы осколков.

А в диспетчерской по-прежнему стояла тишина. Только теперь она была не просто тишиной — она была эхом конца. Эхом мира, который жил на нефти, дышал нефтью, строил себя из нефти — и теперь, лишившись её, начинал умирать.

Оператор, всё ещё сжимавший в руке трубку, наконец опустил её. Он посмотрел на своих коллег, на экраны, на цифры, застывшие в своём последнем танце, и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Мы опоздали.

И в этой фразе было всё: и вина, и горечь, и страх перед тем, что ждало их впереди. Потому что конец нефти означал не просто конец топлива. Он означал конец эпохи. Конец привычного мира. И начало чего-то нового — чего-то тёмного, неизвестного, пугающего.

Где-то вдалеке, за пределами терминала, раздался первый крик. Потом второй. И ещё один. И ещё. И вскоре эти крики слились в единый, протяжный вопль — вопль мира, осознавшего, что он остался один на один с пустотой.

Глава 2. «Час тишины»

Тишина пришла не сразу. Сначала был гул — нарастающий, тревожный, как предсмертный стон огромного зверя. Гул машин, застрявших в пробках, которые уже никто не собирался рассасывать. Гул генераторов, работавших на последних каплях топлива. Гул голосов, кричавших, требовавших, умолявших объяснить, что происходит. Но к исходу первых суток гул начал стихать. Сначала сдались генераторы — один за другим, будто по команде, они щёлкали реле, вздрагивали и замирали. Потом замолчали двигатели: у кого-то кончился бензин, у кого-то просто не осталось сил крутить ключ зажигания, зная, что это бесполезно. И наконец, смолкли голоса — не потому, что все всё поняли, а потому, что кричать стало бессмысленно.

Город, привыкший к постоянному фону шума — рёву моторов, визгу тормозов, гулу вентиляции, музыке из открытых окон, — вдруг оказался в вакууме. И эта тишина была самой страшной вещью, которую кто-либо слышал.

Таксист

Таксист Илья сидел за рулём своей жёлтой машины, вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев. Он застрял в пробке на Садовом кольце — там, где ещё вчера можно было хоть как-то проползти, а сегодня даже ползти было некуда. Машины стояли плотно, бампер к бамперу, как вагоны застывшего поезда. Некоторые водители вышли, стояли у открытых дверей, смотрели по сторонам, будто ждали, что кто-то выйдет и скажет: «Всё в порядке, можно ехать». Но никто не выходил. Никто ничего не говорил.

Илья посмотрел на датчик топлива — стрелка лежала на нуле. Он знал, что это не новость, но видеть эту цифру снова было как получить пощёчину. Он опустил стекло и услышал то, чего не слышал никогда раньше в этом городе: тишину. Не ту, что бывает ночью, когда

шум просто становится тише, а настоящую, глухую, давящую тишину, в которой слышно, как бьётся собственное сердце.

Рядом, в соседней машине, женщина плакала. Не громко, без истерики — просто тихо всхлипывала, прижимая к себе ребёнка. Илья хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но слова застряли в горле. Что можно сказать, когда мир рушится прямо на глазах?

Он закрыл окно, чтобы не слышать этого плача, и откинулся на спинку сиденья. В зеркале заднего вида он видел своё отражение — усталое, постаревшее на десять лет за эти сутки. «Это не пробка, — подумал он. — Это конец».

Молодая мать

В квартире на восьмом этаже молодая мать, Анна, кутала сына в все одеяла, какие смогла найти. Батареи уже остывали — тепло уходило медленно, но неотвратимо, как жизнь из раненого человека. Ребёнок дрожал, прижимался к ней, и она чувствовала, как его маленькое тело ищет тепла, которого становилось всё меньше.

Она подошла к окну и посмотрела вниз. Улица была странной — почти пустой, но в то же время переполненной. Машины стояли там, где их оставили. Люди бродили между ними, заглядывали в салоны, стучали в закрытые двери магазинов. Вдалеке слышались крики — не громкие, не отчаянные, а какие-то усталые, будто кричавший уже знал, что его никто не услышит.

Анна вернулась к сыну, села на пол, прижала его к себе и прошептала:

— Всё будет хорошо.

Но она не верила в эти слова. Она знала, что ничего хорошего уже не будет. Не сегодня. Может быть, никогда.

В холодильнике оставалось немного еды — на день, может быть, на два. Потом придётся выходить на улицу. А что там ждёт — она боялась даже думать.

Биржевой аналитик

В офисе на двадцать пятом этаже биржевой аналитик Максим смотрел на мониторы, которые ещё минуту назад показывали графики, менявшиеся каждую секунду. Теперь экраны были серыми. Система отключилась. Не из-за сбоя — из-за того, что не было энергии. Не было связи. Не было ничего.

Максим встал, подошёл к окну и посмотрел на город. Отсюда, с высоты, он казался игрушечным — аккуратным, упорядоченным, как модель в музее. Но теперь эта модель рассыпалась на глазах. Где-то внизу, среди этих игрушечных домов и улиц, люди теряли контроль над своей жизнью. А он, который всю жизнь строил прогнозы, рассчитывал риски, пытался предсказать будущее, не смог предсказать самое главное.

Он вернулся к столу, сел и посмотрел на телефон. Экран был тёмным — батарея села, а зарядить было негде. Он положил телефон на стол, как кладут что-то ненужное, и закрыл лицо руками. Впервые за много лет он не знал, что делать.

Распад

По всему городу происходило одно и то же: останавливались электростанции, гасли светофоры, замирали эскалаторы. Лифты застревали между этажами, и люди кричали оттуда, стучали в двери, умоляли о помощи. Но помогать было некому. Электричество уходило из города, как вода из пробитого резервуара.

В метро, где ещё недавно кипела жизнь, теперь царил тьма. Эскалаторы замерли, поезда стояли в тоннелях, пассажиры бродили по платформам, пытаюсь понять, как выбраться наверх. Кто-то зажигал спички, кто-то фонари на телефонах — но света хватало ненадолго. А потом наступала темнота, и в этой темноте рождался страх.

На улицах, где раньше кипела торговля, теперь царил хаос. Магазины закрывались, потому что не было товара. А те, что пытались работать, становились мишенями для мародёров. Люди, ещё вчера бывшие соседями, сегодня смотрели друг на друга с подозрением. Ресурсы заканчивались, и каждый понимал: скоро придётся бороться за каждую крошку.

Осознание

К вечеру тишина стала почти осязаемой. Она висела в воздухе, как туман, проникала в дома, в души, в мысли. Люди начинали понимать: это не временный сбой. Это не авария, которую можно починить за пару дней. Это конец. Конец привычного мира.

И в этой тишине, в этом осознании, рождался ужас — не тот, что приходит с монстрами из темноты, а тот, что рождается изнутри, когда понимаешь, что всё, что ты строил, во что верил, чем жил, — рассыпалось в прах.

Где-то вдалеке раздался одинокий гудок — последний гудок последнего поезда, который так и не дошёл до станции. Он прозвучал коротко, резко, как выстрел. И после него наступила тишина — окончательная, беспощадная, вечная.

Город замер. Мир замер. И в этой тишине каждый услышал то, что боялся услышать всю жизнь: свой собственный страх.

Глава 3. «Тени в метро»

Метро перестало быть дорогой — оно стало клеткой. И клетка эта захлопнулась без предупреждения, без прощального гудка, без объявления по громкой связи. Просто в какой-то момент свет моргнул, задержался на долю секунды, будто раздумывая, стоит ли возвращаться, — и погас окончательно. Вслед за ним исчезли все привычные ориентиры: электронные табло, бегущие строки, голоса дикторов. Осталась только тьма — густая, плотная, словно налипшая на кожу.

Первые мгновения люди не верили. Кто-то нажимал кнопку вызова машиниста, кто-то кричал в темноту: «Эй! Есть тут кто?» Кто-то смеялся нервно, думая, что это плановое отключение, обычная авария, которая через пять минут закончится. Но пять минут тянулись, как часы. А потом и часы перестали иметь значение.

Пассажир в центре толпы

Артём стоял в середине вагона, прижатый со всех сторон, и чувствовал, как страх поднимается изнутри, как холодная волна, заливающая грудь. Он не боялся темноты — он боялся того, что в ней прячется. Не монстров, не чудовищ, а людей. Потому что в темноте все становятся немного другими.

— Спокойно, — сказал он вслух, скорее себе, чем кому-то ещё. — Сейчас включат свет. Но никто не ответил. Только чей-то дрожащий голос из дальнего угла прошептал:

— Его не включат.

И в этом шёпоте было столько правды, что Артёму стало не по себе. Он потянулся к карману, достал телефон, включил фонарик. Луч света вырвал из тьмы испуганные лица, блестящие от пота лбы, широко раскрытые глаза. На секунду стало легче — будто свет мог защитить. Но потом луч скользнул по стенам вагона, по закрытым дверям, по табличке «Не прислоняться», и реальность ударила снова: они заперты. И никто их не спасёт.

Кто-то рядом заплакал — тихо, сдавленно, как ребёнок, который боится разбудить чудовище. Артём хотел сказать что-то ободряющее, но слова не шли. Что сказать, когда ты сам не веришь в собственные обещания?

Женщина у дверей

У самых дверей вагона стояла женщина с ребёнком на руках. Она прижимала его к себе так крепко, будто хотела спрятать в собственном теле, сделать невидимым для этой тьмы. Её пальцы впивались в куртку сына, а губы беззвучно шевелились — она шептала молитвы, старые, забытые ещё в детстве, но теперь вдруг вспомнившиеся, как единственное оружие против страха.

Когда свет от чьего-то фонарика скользнул по её лицу, она вздрогнула, будто её поймали на чём-то стыдном.

— Не светите, — попросила она. — Он боится света.

Никто не понял, о чём она, но фонарик погас. И снова наступила тьма — ещё более густая, потому что после света она казалась предательской.

Женщина прислонилась лбом к холодному стеклу двери, прислушиваясь. Ей казалось, что где-то вдалеке слышен гул — может быть, это запускают резервные генераторы. Может быть, помощь уже идёт. Но гул не становился громче. Он был похож на эхо, на воспоминание о звуке, который когда-то существовал.

Машинист

В кабине машиниста было темно, но он всё ещё сидел на своём месте, сжимая в руках рычаги, будто они могли что-то изменить. Он знал, что поезд не тронется. Он знал, что электричества нет. Но сидеть было легче, чем стоять. Легче, чем думать.

Он слышал, как в вагоне начинают кричать. Сначала тихо, потом громче. Кто-то требовал открыть двери. Кто-то звал на помощь. Кто-то уже пытался выбить стекло.

Машинист закрыл глаза и вспомнил, как десять лет назад, в первый день работы, он стоял у этих же дверей и думал, что управляет чем-то огромным, важным, почти живым. Теперь он понимал, что не управлял ничем. Он просто был частью механизма, который сломался.

Он встал, нащупал ручку двери, потянул. Ничего. Система заблокирована. Даже если бы он захотел, он не смог бы их выпустить.

Тогда он постучал в перегородку, разделявшую кабину и вагон.

— Тихо! — крикнул он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Не ломайте ничего! Мы выберемся!

Но его голос утонул в общем гуле, в криках, в стуке, в том первобытном шуме, который рождается, когда толпа теряет контроль.

Тени в тоннеле

А в тоннеле, за пределами вагона, было ещё темнее. Там, где не доставал даже слабый свет от телефонов, шевелились тени. Они не были похожи на людей — слишком угловатые, слишком резкие в своих движениях. Это были не призраки, не монстры — это были те, кто уже смирился с тем, что правила больше не действуют.

Они шли вдоль путей, нащупывая дорогу, прислушиваясь к каждому звуку. Для них тьма была союзником. В темноте легче прятаться. В темноте легче нападать.

Где-то впереди раздался крик — короткий, резкий, оборвавшийся на полуслове. Потом ещё один. И тишина. Не та, что бывает, когда все молчат, а та, что наступает после крика, когда понимаешь: кричавший больше не сможет говорить.

Люди в вагоне почувствовали это. Паника, которая до этого была хаотичной, вдруг стала направленной. Все прижались друг к другу, будто плотность тел могла защитить. Кто-то зажёл спичку — на секунду вспыхнул крошечный круг света, высветив испуганные лица, сжатые кулаки, слёзы. Потом спичка погасла, и тьма вернулась, ещё более безжалостная.

Попытка выбраться

Несколько мужчин решили действовать. Они стучали в двери, кричали, требовали, чтобы их выпустили. Один из них, крепкий парень в спортивной куртке, начал бить ногой по стеклу.

— Откройте! — кричал он. — Мы задохнёмся здесь!

Но двери не поддавались. А крики только усиливали панику. Кто-то начал задыхаться — не от нехватки воздуха, а от страха. Кто-то упал, и его затоптали в давке. Кто-то закричал: «Я не хочу умирать здесь!»

Артём пытался пробиться к дверям, чтобы остановить безумие, но толпа толкала его назад. Он чувствовал, как его затягивает этот водоворот паники, как он сам начинает терять контроль.

— Стойте! — закричал он. — Остановитесь! Мы только делаем хуже!

На мгновение шум стих. Люди замерли, прислушиваясь. В этой короткой тишине был слышен только один звук — далёкий, едва уловимый скрежет металла о металл. Будто что-то двигалось в тоннеле. Что-то большое.

И тогда кто-то прошептал то, что все боялись сказать вслух:

— Мы здесь не одни.

Шёпот в темноте

Сначала это был просто слух — кто-то сказал, что видел движение за стеклом. Потом кто-то другой поклялся, что слышал шаги. А потом шёпот пошёл по вагону, переходя от человека к человеку, как зараза:

— Они идут...

— Кто «они»?

— Те, кто живёт в тоннелях...

— Там никого нет...

— Есть. Я слышал...

Паника снова начала нарастать, но теперь она была другой — не хаотичной, а направленной. Люди искали глазами тьму за окнами, пытаясь разглядеть то, чего не хотели видеть.

Женщина с ребёнком прижала сына к себе ещё крепче и прошептала ему на ухо:

— Закрой глаза. Не смотри.

А Артём вдруг понял, что самое страшное — это не тьма. Самое страшное — это то, что прячется в головах людей, когда они остаются с ней один на один. Страх делает из обычных людей монстров. Страх заставляет видеть то, чего нет. Или, может быть, то, что есть.

Скрежет раздался снова — ближе, громче. И на этот раз никто не стал притворяться, что это просто ветер или оседающий бетон.

Что-то шло по тоннелю. И оно приближалось.

Последняя надежда

Машинист наконец решился. Он встал, открыл дверь кабины и шагнул в вагон. Свет его фонарика выхватил из тьмы лица — искажённые страхом, мокрые от слёз, застывшие в немом крике.

— Слушайте меня! — крикнул он. — Мы не можем открыть двери. Но мы можем идти пешком. По путям. К станции.

Люди молчали. Они не верили. Или боялись поверить.

— Вы хотите сидеть здесь и ждать, пока... — он запнулся, не зная, как назвать то, что шло по тоннелю, — пока что-то случится? Или мы попробуем выбраться?

Тишина длилась секунду. Потом кто-то тихо сказал:

— Я пойду.

Потом ещё один голос:

— И я.

И ещё. И ещё.

Постепенно тьма начала отступать — не потому, что становилось светлее, а потому, что люди снова начали действовать. Они открывали двери вручную, выбирались на пути, собирались в группы. Кто-то держал фонарик, кто-то шёл впереди, ощупывая путь. Кто-то поддерживал тех, кто не мог идти сам.

Они двигались медленно, осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. И каждый звук казался угрозой. Каждый шорох — предвестником беды.

Но они шли. Потому что стоять было страшнее.

В глубине тоннеля

А в глубине тоннеля, там, где свет фонариков уже не доставал, что-то продолжало двигаться. Что-то, что ждало. Что-то, что знало эти тоннели лучше, чем любой машинист. И когда последние люди исчезали в свете своих фонариков, оно оставалось во тьме — терпеливое, бесшумное, готовое ждать.

Потому что теперь это была его территория.

Тьма принадлежала ему.

И рано или поздно она заберёт всех, кто осмелился в неё войти.

Глава 4. «Закон джунглей»

Рассвет был грязным. Не алым, не золотым, не тем, что рисуют на открытках, — а серым, будто небо покрылось копотью от тысяч сгоревших надежд. Город, ещё недавно сверкавший огнями, теперь казался декорацией к фильму ужасов: пустые машины с распахнутыми дверями, витрины, зияющие чёрными провалами, улицы, усыпанные осколками стекла и обрывками газет, которые никто уже не читал.

Тишина, царившая в первые дни, сменилась новым звуком — звуком хаоса. Крики, хлопки, треск пламени, лязг металла. Цивилизация не просто рухнула — она рассыпалась на куски, и каждый кусок теперь становился предметом ожесточённой борьбы.

Район, который раньше называли «спокойным»

В спальном районе, где ещё неделю назад люди спешили на работу, гуляли с собаками и обсуждали погоду, теперь царил иной порядок. У перекрёстка стояла группа мужчин — не

случайных прохожих, а тех, кто быстро понял: сила теперь в количестве и в оружии. У кого-то были биты, у кого-то — ножи, у одного — старый охотничий карабин, который он, вероятно, хранил «на всякий случай». Теперь этот случай настал.

Они контролировали единственный уцелевший продуктовый магазин в округе. Точнее, то, что от него осталось: разбитые холодильники, пустые полки, разбросанные по полу упаковки, которые уже ничего не стоили. Но в подсобке ещё хранились несколько ящиков консервов, пара канистр с водой и — самое ценное — канистры с бензином. Не для машин — машины давно стояли мёртвыми. Для генераторов. Для обогрева. Для обмена. Для власти.

К магазину подходили люди — не как покупатели, а как просители. С пустыми руками, с дрожащими голосами, с глазами, в которых читалась не надежда, а отчаяние.

— У меня ребёнок, — шептала женщина, прижимая к груди свёрток из старого пледа. — Дайте хоть что-нибудь. Хоть банку горошка.

Главарь банды, высокий мужчина с лицом, изуродованным шрамом, смотрел на неё долго, слишком долго, будто взвешивал её слова, как взвешивают товар на весах. Потом медленно покачал головой.

— Нет.

— Но он голоден! — голос женщины сорвался на крик, но тут же стих под тяжёлым взглядом.

— Здесь нет «но», — спокойно ответил главарь. — Здесь есть только «да» и «нет». И сейчас — нет.

Женщина отступила, споткнулась о разбитую плитку, едва не упала. Кто-то из банды хмыкнул. Кто-то рассмеялся. А она просто развернулась и пошла прочь, сгорбившись, будто пытаясь стать меньше, незаметнее, чтобы не спровоцировать ещё большую жестокость.

Бывший полицейский

Александр когда-то носил форму и верил, что его долг — защищать. Теперь форма висела в шкафу, покрытая пылью, а сам он стоял в тени подъезда, наблюдая за тем, как рушится мир, который он клялся охранять. У него не было оружия — он не хотел его брать. Но теперь он начинал понимать: без оружия ты не защитник. Ты — жертва.

Он видел, как банда у магазина отбирала последние припасы у стариков. Видел, как из соседнего дома выносили мебель, чтобы сжечь её в бочках посреди двора. Видел, как сосед, с которым он ещё неделю назад здоровался у лифта, теперь смотрел на него с подозрением — будто каждый незнакомый взгляд мог означать угрозу.

Александр вышел из тени. Не потому, что хотел геройствовать. А потому, что не мог просто стоять и смотреть.

— Эй! — крикнул он, сам удивляясь твёрдости своего голоса. — Оставьте её в покое!

Бандиты обернулись. Главарь прищурился, будто пытался вспомнить, кто этот человек. Потом улыбнулся — не доброй улыбкой, а той, что появляется, когда кто-то становится развлечением.

— А ты кто такой, чтобы указывать? — спросил он, делая шаг вперёд.

— Я тот, кто помнит, что мы люди, — ответил Александр, сам не веря в эти слова. Потому что в этом новом мире люди быстро переставали быть людьми.

Смех прокатился по группе, как волна. Кто-то поднял биты. Кто-то снял с предохранителя карабин.

— Люди, — повторил главарь, растягивая слово, будто пробуя его на вкус. — Здесь больше нет людей. Здесь есть те, кто берёт, и те, у кого берут. Выбирай, кем будешь ты.

Александр не успел ответить. Удар пришёл сбоку — тяжёлый, оглушающий. Мир на секунду потемнел, потом вспыхнул яркими искрами. Он упал на асфальт, чувствуя, как холод-

ный камень вбивается в ладони. Над ним нависла тень — главарь наклонился, посмотрел ему в глаза и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Запомни этот урок. Здесь выживает не тот, кто прав. А тот, кто сильнее.

И ушёл, оставив Александра лежать среди осколков стекла и рухнувших иллюзий.

Молодая пара

Марина и Денис прятались в полуподвальном помещении бывшей прачечной. Здесь было темно, сыро и пахло плесенью, но зато сюда редко заглядывали мародёры. У них оставалось немного: три банки тушёнки, полбутылки воды и одна зажигалка, которую Денис нашёл в кармане куртки.

Они сидели плечом к плечу, стараясь согреться. Марина дрожала — не столько от холода, сколько от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.